

4. Князева, Е.Н. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 264 с.

5. Капица, С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества / С. П. Капица. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 192 с.

6. Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен: Римский клуб, юбилейный доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aftershock.news/?g=node/601798...> – Дата доступа: 12.06.2019.

7. Ковальчук, М.В. Выступление в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 30 сентября 2015 г. : стенограмма [Электронный ресурс] / М.В. Ковальчук. – Режим доступа: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> – Дата доступа: 30.04.2018.

Стефанович Максим Сергеевич **КРИТИКА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОЛИБЕРАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ**

Аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета, кафедра политологии, специальность 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки», г. Минск, Республика Беларусь, maksim.stefanovich@mail.ru

Классический либеральный подход к социальной политике основан на минимальном участии государства в решении социальных проблем. Поэтому праволиберальные авторы подвергают критике доминирующие сегодня модели государства всеобщего благосостояния. Степень этой критики зависит от конкретных разновидностей праволиберальной идеологии.

Праволиберальная идеология включает комплекс доктрин, выступающих за неограниченный капитализм и максимальную свободу личности. В этот комплекс входят: классический либерализм (классическая школа политэкономии и либеральная политическая философия Нового Времени); неоклассический либерализм австрийской школы; либертарианство. Невзирая на различия в конкретных политических программах и этических обоснованиях, данный комплекс идеологий имеет единую политическую философию примата свободы и частной собственности. Его онтологическим ядром является убежденность в неразрывной связи свободы и личной ответственности каждого индивида с процветанием всего общества.

Применительно к социальной политике такие онтологические основания предполагают резкое сокращение функций государства. Так,

например, политика борьбы с бедностью оспаривается в силу фундаментальных изъянов централизованного перераспределения ресурсов.

Теоретическими основаниями критики социального государства в праволиберальной мысли является концепция рассеянного знания К. Менгера и Ф. фон Хайека. «Субъективистская концепция Менгера, центром которой является действующий человек, объясняет стихийное, эволюционное возникновение ряда моделей поведения (институтов) в сфере права, экономики и языка, которые делают возможной жизнь в обществе, через идею эволюционного процесса, в котором действует бессчетное множество людей, каждый из которых оснащен собственным небольшим эксклюзивным запасом субъективного знания, практического опыта, желаний, мнений и чувств» [1, с. 61]. Знание о причинах бедности каждого конкретного индивида и необходимой ему помощи невозможно аккумулировать в рамках единого управленческого центра. Стандартизация социальной помощи передает ресурсы структурам, которые не обладают такой информацией.

Напротив, децентрализованная модель оказания помощи через благотворительные организации, общества взаимопомощи позволяет вовлекать в эту работу акторов со специализированным знанием и индивидуальным подходом к каждой проблеме. Такая позиция не является чисто теоретическим конструктом. На примере британских обществ взаимопомощи XIX в. либеральный историк и политолог Д. Грин показывает огромный потенциал гражданского общества, структуры которого успешно решали вопросы социального обеспечения и медицинского обслуживания даже в условиях более низкого уровня экономического развития [2].

В основе их работы лежал принцип добровольных взносов, которые в дальнейшем перераспределялись на нужды больных или оказавшихся в иной трудной ситуации членов общества. Общества работали на принципах строгой отчетности в ходе регулярных собраний и оценки нравственных качеств получателей помощи. Эти организации возникали повсеместно, но получили наибольшее распространение в рамках англосаксонской модели социальной политики. В отличие от централизованной социальной политики, стимулирующей оппортунистическое поведение и подрывающей трудовую этику, они основаны на личной ответственности и взаимосвязи между оказанием помощи и достижением конкретных улучшений состояния нуждающихся.

Следующий аспект социальной политики, который подробно освещается в праволиберальной литературе – проблема оппортунистического поведения. В рамках современного социального государства велик

риск двойного оппортунизма, как на уровне получателей помощи, так и попыток «покупки электората» со стороны политических элит в ходе избирательных кампаний. Неожиданное повышение пенсий, пособий, зарплат работников бюджетной сферы в преддверии выборов является типичным примером политического оппортунизма.

«Включается «денежный насос», рабочий цикл которого выглядит так: политическая поддержка получателей пособий – увеличение государственных обязательств – увеличение налоговой нагрузки – увеличение пособий – политическая поддержка получателей пособий, и т.д. Политическая база тех людей и сил, которые добиваются наращивания выплат, увеличивается, как увеличивается и уровень пособий, и объемы направляемых на это ресурсов. Число «профессиональных бедняков» также растет» [3], отмечает российский либертарианский экономист Ю. Кузнецов.

В долгосрочной перспективе расширение социальной помощи становится серьезным фактором торможения экономического развития и роста налоговой нагрузки, что в свою очередь, увеличивает уровень бедности и повышает запрос на социальную помощь. В результате заявленные цели выравнивания уровня благосостояния не только не достигаются, но и возрастают риски иждивенчества и массовой безработицы.

Напротив, децентрализованный формат оказания социальной помощи жестко ограничен финансовыми возможностями конкретных спонсоров (если речь идет о благотворительных организациях) и механизмами обратной связи в рамках обществ взаимопомощи. Таким образом, формируются институты с гораздо большей чувствительностью к меняющейся конъюнктуре и новым вызовам социальной политики.

«Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди не являются всеведущими?». «Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди мотивированы собственными эгоистическими интересами?». «Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди располагают ограниченными знаниями и одновременно склонны к своекорыстному и эгоистическому поведению?».

Ответ классического либерализма на поставленные выше вопросы состоит в том, что институты частной или совместной (групповой) собственности, рыночная экономика и ограниченное государство, роль которого сводится к разрешению споров между частными сторонами, лучше всего способны удовлетворить требованиям робастного режима» [4, с. 15] , констатирует современный теоретик правого либерализма М. Пеннингтон.

Впрочем, классическая либеральная стратегия не предусматривает полного отказа от государственной социальной помощи. По крайней мере, в работах М. Фридмана и Ф. Хайека предложены различные варианты минимального уровня оказания финансовой помощи. Например, Фридман предложил модель отрицательного подоходного налога – гарантированных выплат финансовой помощи тем, кто зарабатывает меньше установленного порога. Для финансирования системы образования был разработан и апробирован в ходе чилийских экономических реформ ваучерный подход, совмещающий перечисление государственных средств на обучение и конкуренцию образовательных программ. Иначе говоря, получателями ваучеров были не школы, а родители, которые сами выбирали для детей подходящую школу.

Аналогичные подходы были реализованы в рамках либеральных экономических реформ в Грузии, где проводилась широкомасштабная коррекция социальной и трудовой политики, включающая максимальное облегчение процедуры увольнения, отмену льгот и пособий, легализацию всех форм самозанятости и введение проверки нуждаемости при выделении материальной помощи.

Либертарианская стратегия является более жесткой, поскольку ее идеологи в принципе отрицают допустимость государственного перераспределения средств на социальные нужды. Теоретик российского юридического либертаризма В.А. Четвернин отмечает: «Таким образом, при западном социал-капитализме уже нет гражданского общества и правового государства. Все общество покрыто «сетью» перераспределительных публично-властных институтов. Поэтому в идеологии западного социализма смысл слов и понятия изменились до неузнаваемости. Государственный интервенционизм, вытеснение публично-правовых институтов публично-властным агрессивным насилием стали называть социальным правовым государством. Правами человека стали называть потребительские привилегии: у каждого человека есть якобы право потреблять, хотя, возможно, он ничего не производит... Любое принудительное перераспределение социальных благ, приобретенных по принципу формального равенства, является нарушением правового принципа, разновидностью агрессивного насилия или «дозволенным законом грабежом»» [5, с. 55].

Соответственно, либертарианская стратегия демонтажа социального государства предполагает приватизацию всех сегментов социальной политики, включая переход к сугубо добровольным частным накопительным пенсионным фондам. При таком подходе основные надежды возлагаются на возрастание платежеспособности населения в результате

избавления от налоговой нагрузки, быстрый рост экономики после снятия регулятивных барьеров и появление новых инициатив взаимопомощи, замещающих государственные централизованные механизмы оказания социальных услуг.

Различные варианты реформирования социального государства в соответствии с праволиберальными рецептами разрабатываются в Беларуси в рамках деятельности независимых аналитических центров. Так, например, центр Мизеса предлагал альтернативную концепцию молодежной политики, собственную модель пенсионной и медицинской реформы.

Актуальность этих предложений возрастает по мере нарастания симптомов кризиса социального государства (рост государственного долга и бюджетного дефицита, хронически высокий уровень безработицы в ряде стран с активной социальной политикой). Наличие этого кризиса признают и многие представители правящих элит, так, например, король Нидерландов Виллем Александер прямо заявил, что на место социального государства XX века приходит «общество активного участия», в котором люди должны взять ответственность за свое собственное будущее, заботиться о себе и создавать свою социальную и финансовую безопасность, с меньшей долей участия национального правительства.

В связи с этим возникает необходимость теоретического обсуждения имеющихся концептуальных альтернатив, среди которых праволиберальная стратегия выделяется значительной глубиной проработки и имеющимся практическим опытом проведения реформ в ряде стран мира.

Библиографический список

1. Сото, Х.У. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Пер. с англ. Х.У. Сото. – Челябинск.: «Социум», 2009. – 202 с.
2. Грин, Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. Д. Грин. – М.: Новое издательство, 2009. – 220 с.
3. Кузнецов, Ю.В. Роковой выбор. Идеология социального государства [Электронный ресурс] / Ю. В. Кузнецов // Отечественные записки. – 2019. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/rokovoy-vybor>. – Дата доступа: 05.06.2019.
4. Пеннингтон, М. Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / Пер. с англ. М. Пеннингтон. – М.: Мысль, 2014. – 452 с.

5. Четвернин, В.А. Проблемы теории права (для особо одаренных студентов) [Электронный ресурс] / В.А. Четвернин. – 2010. – Режим доступа: <http://teoria-prava.hse.ru>. – Дата доступа: 03.06.2019.

***Юрашевич Надежда Михайловна,
Минько Наталья Сергеевна***
**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Заместитель директора НИИ теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь – директор Центра
исследований государственного управления, кандидат юридических наук,
доцент, г. Минск, Республика Беларусь, yurashevic@mail.ru

Начальник отдела правовых исследований и экспертизы Центра исследований
государственного управления НИИ теории и практики государственного
управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь,
leonid.minko@mail.ru

Кадровые процессы и отношения пронизывают все сферы жизнедеятельности современного информационного общества и определяют направления дальнейшего государственного строительства с учетом тенденций цифровизации. Результат изменения сферы государственного управления вследствие внедрения цифровых технологий можно определить как построение «цифрового государственного управления». Высокий потенциал применения цифровых технологий в сфере государственного управления может реализоваться при решении практических задач по оптимизации и совершенствованию государственной кадровой политики. Формирование и реализация модели государственной кадровой политики государства – многогранный, последовательный процесс, который начинается с выявления ее теоретико-методологических, концептуальных основ, природы и предназначения, что позволяет верно определить ее цели, задачи, признаки, принципы и приоритеты. А также дает возможность с научных позиций раскрыть систему кадрового обеспечения государственных органов, опираясь на механизмы функционирования этой политики (организационно-правовой, мотивационный, информационный и экономический). Организационно-правовой механизм функционирования модели государственной кадровой политики выступает ее основной подсистемой.